

Путь къ Христову миру лежитъ, конечно, прежде всего въ осуществленіи той всеобъемлющей самоотверженной любви, которая составляетъ сущность христіанскаго закона и о которой свидѣтельствуемъ намъ нынѣ церковь, приготавливая своихъ чадъ къ посту, «Постное время свѣтло начнемъ... Забвеніе злобы всеконечно сотворимъ». «Очистимъ душу, очистимъ плоть, добродѣтелями наслаждающеся духа, въ нихъ же совершающеся любовію»... И тогда, когда утвердятся въ насъ чувства эти, когда «сильные будутъ носить немощи слабыхъ», когда богатые добровольно будутъ полагать предѣлъ своимъ стяжаніямъ, а бѣдные границу своимъ требованіямъ, тогда открытъ будетъ широкій путь для проникновенія и въ наши общественныя отношенія мира Христова... А тогда, о повѣрьте, и скорѣе жизненная зима пройдетъ, дождь минуетъ. Цвѣты покажутся на нашей землѣ, время пѣсней наступитъ и голосъ горлицы будетъ слышенъ уже въ землѣ нашей. Ягоды смоковницы созрѣютъ и виноградная лоза расцвѣтшая издастъ благовоніе. Скорѣе войдетъ тогда звѣзда свѣтлая и утренняя! И духъ, и невѣста (церковь) заговорятъ: приди! и слышавшій да скажетъ: приди! Жаждающій пусть приходитъ и желающій пусть беретъ воду жизни даромъ! (Ап. 22 16—17).

К. Фетисовъ.

Поучительные случаи изъ жизни о. іеромонаха Игнатія.

Въ богослужебномъ журналѣ Св. Николаевской церкви села Нападенъ 20 декабря 1898 года помѣщена автобіографическая замѣтка настоятеля церкви, священника (впослѣдствіи протоіерея *Іустина Игнатовича*, въ монашествѣ—*Іеромонаха Игнатія*, волею Божіею скончавшагося 9-го января сего 1916 г. въ Курковскомъ монастырѣ. Въ замѣткѣ сравнительно мало фактическихъ данныхъ, но за то тамъ мы находимъ изложеніе весьма назидательныхъ случаевъ, происшедшихъ въ нерадостной жизни почившаго.

Все въ замѣткѣ—искренне и правдиво, потому что изложено, по выраженію самаго автора—«какъ на исповѣди». Истинноувѣрующей найдетъ душевное утѣшеніе, читая въ замѣткѣ о случаяхъ милости Божіей, Пресвятой Богородицы и Св. Угодниковъ Божіихъ, явленныхъ въ жизни отшедшаго ко Господу о. Іеромонаха Игнатія...

Вотъ почти дословное изложеніе автобіографической замѣтки о. Игнатія:

«Сегодня 20-й декабря, день рожденія мѣстнаго священника Іустина Иванова Игнатовича. Родился въ с. Скумпіи, Яскаго (а нынѣ Бѣлецкаго) уѣзда 1844 года, отъ отца іерея Іоанна Максимова, и матери Александры Θεодоровны—изъ фамиліи Гинкуловыхъ.

Вѣкъ нашъ короткій, и часъ смерти неизвѣстенъ; а такъ какъ за послѣднее время немощи мои увеличиваются—страдаю то одной, то другой болѣзнію, которыя иногда своею остротою становятся съ трудомъ переносимыми, то признаю полезнымъ учинить краткій обзоръ моеѣ жизни, и, какъ въ исповѣди, предать письмени, что припомню, во Славу Божію и въ назиданіе себѣ на остальные дни моеѣ жизни.

Волею Божіею, я удостоенъ въ Церкви Христовой почетнаго сана—священническаго—т. е. дана мнѣ власть учить, священнодѣйствовать и пасти стадо Христово, и, какъ по Апостолу (Евр. 5, 4)—«никтоже самъ собою пріемлетъ честь, но токмо званный отъ Бога, якоже и Ааронъ»,—то отъ всего сердца исповѣдую, что мой даръ—священство—есть поистинѣ даръ Божій.

Припоминая свое отрочество и юношество, которыя протекли безмятежно въ добромъ семействѣ моихъ родителей—примѣрнаго по усердію къ церкви отца моего, и примѣрнаго во жизни отца съ матерью семейства, я еще съ ранняго дѣтства полюбилъ званіе моего отца. Служеніе его въ церкви и при исполненіи таинствъ и требъ по приходу всегда было величественно—торжественно. Обладаль онъ по природѣ здравымъ смысломъ на вещи и пріятнѣйшимъ голосомъ, а потому его чтеніе было всегда весьма явственно и точно, пѣніе же весьма умирительно.

Съ особеннымъ пріятнымъ удовольствіемъ припоминаю, между прочимъ, какъ это въ свѣтлое утро Воскресенія Христо-

ва, при пѣніи перваго торжественнаго «Христосъ Воскресе», невольно текли изъ глазъ слезы радости. Такое вліяніе на сердца присутствующихъ можетъ произвести только искреннее чувство служащаго священника. Къ этимъ нагляднымъ и добрымъ примѣрамъ въ жизни моего отца—священника,—всегда памятую слова моего родителя о своемъ отцѣ—священникѣ Максимѣ, моемъ дѣдушкѣ. Сей отличался примѣрнѣйшимъ благоговѣніемъ къ служенію церковному, и послѣдніе дни окончилъ почти за службою.

У него было такое правило: ежегодно, осенью, послѣ уборки хлѣбовъ, когда добрые христіане изъ даровъ природы за истекшій годъ совершаютъ поминовенія по отшедшимъ отцамъ и братіямъ, онъ, бывало, служитъ ежедневно, если не полныхъ 40 дней, то хотя 20 дней. За такимъ именно подвигомъ и дни его окончились. Служа въ свои обычные дни, онъ однажды, съ вечера совершилъ вечерню, былъ бодръ всю ночь, прочиталъ себѣ надлежащее правило, а къ утру почувствовалъ слабость и ко времени Литургіи мирно предалъ духъ свой Господу. Лично я дѣдушки не помню, но между прочимъ, сей рассказъ всегда возвышалъ въ моихъ глазахъ священство...

Поступивъ, въ свое время, въ Семинарію, и изучивъ богословскіе предметы и надлежащій разборъ сущности и важности Таинствъ Христовой Церкви, я, по развитому сознанию вещей, уже съ трепетомъ думалъ о принятіи сана священства. Собственно жизнию, какъ вѣдаетъ Всевѣдущій, я жилъ такъ, какъ надлежитъ готовящемуся во священники. (Единъ святъ только Господь), елико въ моей волѣ было. Между прочимъ, на такомъ добромъ пути я укрепленъ былъ слѣдущею милостью Царицы Небесной. Въ 1862 году, отчего именно опредѣлить не могу, я страдалъ головою болью и особо ушами. Лѣчилъ меня и докторъ, пользовался и домашними средствами, но все напрасно. И вотъ, въ одно утро, когда я шелъ изъ квартиры въ классъ, проходя мимо митрополіи, вспомнилъ о пребываніи въ Крестовой Церкви Чудотворнаго Образа Гербовецкой Божіей Матери. Я зашелъ тогда же въ церковь, приложился къ Иконѣ и попросилъ одного іеромонаха влить мнѣ въ уши масла изъ лампы предъ Иконою, и въ тотъ же часъ почувствовалъ облегченіе боли, а въ скоромъ времени и совершенное выздоровленіе. Это

фактъ дѣйствительный. Это послужило укрѣпленіемъ моей вѣры вообще и поводомъ къ размышленію о важности служенія священника предъ Богомъ.

Немного ранѣе сего благодатнаго моего исцѣленія, я видѣлъ весьма разительный въ жизни случай Божіяго наказанія за клятву.

Жилъ я съ другими товарищами на квартирѣ у одного пономаря при Благовѣщенской г. Кишинева церкви. Гавріила М. И онъ, и жена его—уже давно покойники, и Господь да проститъ мнѣ, что тревожу ихъ память. Но, собственно, смерть жены его и есть розительный случай. Мужъ любилъ выпить и иногда приходилъ домой пьянымъ, за что жена крѣпко сердилась на него и бранила. Однажды, въ пылу разъяренности на мужа, жена говоритъ: «если ты придешь еще разъ пьянымъ, и если я тогда не опарю тебя кипяткомъ, то—да не умру я *по христіански*».

Случилось, что чрезъ нѣкоторое время мужъ опять пришелъ пьянымъ, а жена—не опарила его. Въ тотъ же день, предъ вечеромъ, она заболѣла: чрезъ ночь болѣзнь усилилась, но она говорила. Утромъ мужъ пошелъ за священникомъ, который скоро и явился. Между тѣмъ, у больной отнялся даръ слова, такъ что она не могла исповѣдываться. Священникъ рѣшилъ дать ей хотя Святое Причастіе, но оказалось, что никакими усиліями не могли открыть ротъ умирающей, и она тогда же такъ и скончалась. Объ этомъ случаѣ я всегда съ трепетомъ вспоминалъ: онъ грозно внушалъ быть осторожнымъ въ словахъ и справедливымъ...

Посему—чѣмъ ближе было къ окончанію курса, тѣмъ съ большимъ трепетомъ думалъ я о принятіи священства, такъ что во время послѣднихъ экзаменовъ, въ 1867 г., въ которомъ кончилъ курсъ, я зашелъ къ бывшему тогда въ Бессарабіи Архіепископу Антонію съ просьбой принять меня въ число братіи Крестоваго Архіерейскаго дома. Но Владыка, какъ испытанный опытомъ, почтенный старецъ сказалъ, что хотя я добраго дѣла желаю, но, какъ молодой и съ правомъ на священство, долженъ еще пораздумать хорошенько; предъ Богомъ велика награда и для священника, который вѣрно и усердно сослужитъ службу своего званія. Послѣ сего я уже рѣшилъ одно—быть священни-

комъ. Нужно было жениться. Знаменателенъ выборъ отъ Господа, личности, ставшей моею женою. Въ 1854 г., на второмъ году моего пребыванія въ 1-мъ классѣ училища (тогда такъ было — по два года), учителемъ состоялъ Уподіаконъ Каѳедральнаго Собора Іоаннъ Баконскій. Отцу моему случилось пріѣхать въ Кишиневъ, навѣстить меня, и по обычаю того времени, поднести учителю гостинецъ (масла) и узнать, какъ я учусь. Я тогда учился хорошо, такъ что былъ первымъ ученикомъ. На вопросъ отца учитель, конечно, далъ похвальный отзывъ, и тогда же, послѣ нѣкотораго разговора, обратился къ отцу съ такими словами: «А знанте—что, батюшка: вотъ у меня маленькая дочка; когда вашъ сынъ кончитъ курсъ, ей безъ малаго будетъ 16 лѣтъ; будемъ поэтому, сватами!». Отецъ сказалъ: «да будетъ воля Божія». Черезъ 10 лѣтъ, когда я уже былъ въ пятомъ классѣ семинаріи, бывшій мой учитель, теперь уже священникъ, встрѣтился съ отцомъ и спрашиваетъ: «А что—вашъ сынъ, все хорошо учится, и держится ли онъ сватовства?». И вотъ, по окончаніи курса, такъ и было, что мы, засватанные 14 лѣтъ предъ симъ, сочетались бракомъ. Вотъ дѣйствительно, что отъ Господа сочетавается жена мужу!—30-го іюня повѣнчались (пятница), 1-го іюля былъ у духовника и 2-го рукоположенъ во діакона, а 8-го во священника.

Семейная жизнь, за 10 лѣтъ и 3 дня была со многими скорбями: бѣдняжка жена моя два раза была при смерти, дѣти рождались и умирали; по хозяйству шло плохо—только потери; наконецъ, чахотка сократила жизнь женѣ, и я остался съ двумя малютками, будучи самъ 33 лѣтъ отъ роду. Ничего болѣе не имѣю права сказать, какъ только—такова была воля Божія, всегда для насъ благая.

Съ тѣхъ поръ уже минулъ 22-й годъ. Всѣ мои дѣла явны предъ тобою, Господи, и мое желаніе не утаится отъ Тебе. Даруй мнѣ христіанскую кончину и добраго отвѣта на судишѣ Твоемъ!...

Были со мною въ жизни примѣчательныя и поучительныя слѣдующія обстоятельства: а., 1-го января 1875 года—это былъ послѣдній годъ моего служенія въ Чутулештахъ—первомъ моемъ приходѣ—предъ пробужденіемъ снилось мнѣ, будто я женился второй разъ, а женѣ, въ томъ же году, въ іюнѣ мѣсяцѣ сни-

лось, что будто бы мы перешли на другой приходъ, расположенный въ салахъ, между горами; въ приходѣ было два діакона, изъ коихъ—одинъ хвалилъ, а другой осуждалъ приходъ; была матушка вдова; будто мы остановились на квартирѣ у весьма почтенной старушки, которую, если бы увидела лично, могла бы и узнать. И вотъ на самомъ дѣлѣ такъ все и случилось, ибо когда я перешелъ сюда, то было два діакона и матушка вдова, а также и старушка, у которой заняли квартиру, оказалось именно такую, какою ее видѣла во снѣ жена. Значитъ, нужно исповѣдать, что Господь послалъ меня въ сей приходъ.

б., Между тѣмъ, чрезъ пять лѣтъ, т. е. въ 1880 году было мнѣ такое испытаніе: Въ Чутулештахъ умеръ поступившій послѣ меня священникъ. Общество Чутулештское, не спросивъ меня подало Архіерею. Преосвященному Павлу, прошеніе, чтобы онъ перевелъ меня обратно въ Чутулешты. И вотъ 28 января 1880 г. я получаю изъ канцеляріи Преосвященнаго бумагу съ предложеніемъ, не пожелаю ли я перейти обратно въ Чутулешты, какъ о томъ просить общество. Задача трудная: мнѣ и тамъ было хорошо, и тутъ уже было хорошо, тѣмъ болѣе, что тутъ уже началась при моемъ участіи, въ качествѣ главнаго руководителя, постройка новой церкви. Обдумывая, какъ быть, я противъ 2-го февраля, послѣ обычнаго правила молилъ Господа наставить меня, какъ поступить. Легъ, но долго не могъ спать; предъ утромъ уже задремалъ и во снѣ, на мой вопросъ куда, Господи! посяѣдалъ отвѣтъ: „гдѣ трутъ, тамо соберутся и орлы“. Проснувшись, я недоумѣвалъ, какъ объяснить себѣ отвѣтъ, и рѣшилъ поѣхать лично къ Архіерею. У него, послѣ долгихъ предложеній, я наконецъ сказалъ: „Владыко, дайте мнѣ жребій“. Онъ пошелъ въ другую комнату, написалъ на двухъ бумажкахъ имена приходоѡ—Нападены, Чутулешты, сложилъ каждую бумажку вчетверо и положилъ на столъ. Я обратился къ Образамъ, перекрестился и взялъ одну бумажку. Оказалось—Чутулешты. Тогда Владыка съ радостію сказалъ: «Самъ Господь зоветъ тебя туда; ступай и веди себя также какъ и въ первый разъ». Какъ будто все успокоилось, послѣ всего описаннаго, и я уже готовился въ Чутулешты. Но когда стало извѣстнымъ въ Нападенахъ о предполагаемомъ моемъ переводѣ, тогда и это общество рѣшило просить того же Архіерея оставить

меня на мѣстѣ, такъ какъ они мною довольны, и, особенно по постройкѣ церкви, безъ меня у нихъ будетъ большое затрудненіе. Архіерей сказалъ, что онъ это можетъ сдѣлать, если я самъ буду согласенъ—въ виду жребія. Пришлось уступить любви Нападенцевъ, какъ уже мѣстнымъ, и я написалъ Владыкѣ, что если Господь сказалъ; «гдѣ трупъ, тамъ соберутся и орлы», то это теперь уже становится понятнымъ, что, гдѣ бы я ни былъ, если поведу свое дѣло, священническое, какъ должно, то чада мои духовные будутъ возлѣ меня. И я оставленъ въ Наподенахъ, Это урокъ не маловажный,—для внимательныхъ.

и в., Съ сердечною благодарностью воспоминаю всегда, по внутреннему челобѣту, благодаренія: Святителя Николая Мурлиійскаго объ устроеніи старшей дочери моей, Маріи. По волѣ Святителя, какъ онъ показалъ мнѣ во снѣ говоря, что „добрые люди помогутъ тебѣ,“—такъ и случилось: я отъ добрыхъ людей получилъ необходимое пособіе матеріальное и устроилъ бракъ дочери.—Второе благодареніе и милость—есть благоволеніе Святителя Неодосія Углицкаго, что я былъ въ Черниговѣ на торжествѣ открытія мощей Святителя.

Слава Богу за все! Аминь“—

На этомъ восклицаніи заканчивается замѣтка о. Игнатія. Будучи отъ природы очень чуткимъ къ своимъ душевнымъ переживаніямъ, находилъ необычайное и назидательное тамъ, гдѣ другіе видятъ только не значительное и не заслуживающее вниманія; а, какъ челобѣтъ глубоко вѣрующей и религіозно-настроенной, во всѣхъ случаяхъ находилъ благое дѣйствіе Промысла Божія.—

Къ весьма поучительному въ жизни почившаго о. Игнатія нужно отнести его необычайную отзывчивость и готовность помочь всѣмъ сиротствующимъ и обездоленнымъ. Очень многіе знаютъ, что онъ приютилъ у себя многихъ племянниковъ, (изъ коихъ—въ первую очередь—пишущаго эти строки), племянницъ и даже совершенно чужую ему сиротку; воспитывалъ ихъ, опредѣлялъ въ учебныя заведенія, любилъ и заботился о нихъ, какъ о своихъ родныхъ дѣтяхъ. Начиная съ 1884 года и до самой почти смерти онъ непремѣнно о комъ либо заботился, о комъ—либо хлопоталъ, кого—либо устраивалъ, и не только родныхъ,

но и чужихъ. Да будетъ его жизнь примѣромъ и назиданіемъ для насъ!...

Священникъ В. Агапіевъ.

Епархіальная хроника.

Открытіе военно-спортивнаго комитета.

14 февраля, въ два часа дня состоялось въ гимнастическомъ залѣ 2-й мужской гимназіи торжество открытія въ Кишиневѣ военно-спортивнаго комитета. На открытіи присутствовали, начальникъ губерніи М. М. Вороновичъ, начальникъ дивизіи, воинскій начальникъ полковникъ Рябининъ, предсѣдатель комитета директоръ 1-й мужской гимназіи И. А. Клоссовскій, ректоръ духовной семинаріи архимандритъ Даміанъ, директоръ народныхъ училищъ А. С. Сыромятниковъ, директора всѣхъ среднихъ и начальники другихъ учебныхъ заведеній, городской голова Ю. І. Левинскій и много другихъ.

Торжество началось молебномъ, который совершилъ ректоръ семинаріи въ сослуженіи о. о. законоучителей гимназій.

По окончаніи молебна законоучитель 1-й мужской гимназіи протоіерей Н. Лашковъ обратилъ съ рѣчью къ учащимся, скававъ, что въ числѣ ихъ находится и сынъ его; въ своей рѣчи онъ охарактеризовалъ культуры разныхъ европейскихъ странъ и, указавъ на паденіе нѣмецкой культуры, сказалъ ученикамъ, что многимъ изъ нихъ, скоро уже поступающимъ въ университетъ, нужно въ настоящее время не только любить науку, но и охранять ее тамъ, помня печальную исторію нашихъ дней Лувена и Реймса, нужно взять въ руки мечъ, научиться владѣть имъ въ военно-спортивномъ комитетѣ и мужественно обнажить его, когда придется, за славу и честь Царя родины и науки.

Послѣ молебна оркестромъ ученической музыки троекратно исполненъ былъ народный гимнъ, непрерывно покрываемый громогласнымъ, дружнымъ «Ура» всѣхъ присутствующихъ.